

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
Political Linguistics. 2023. No 2 (98).

УДК 81'27:811.352.2'373

ББК Ш100/3+Ш160.2-3

doi: 10.26170/1999-2629_2023_02_19

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Лана Алексеевна Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия, lagrba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4951-6214>

Триада человек — род — народ в концептосфере абхазов

АННОТАЦИЯ. *Анализируемая на уровне этноязыкового сознания вербально-семантическая триада «человек — род — народ» является одновременно и социопрагматическим конструктом, отражающим особенности национальной модели мира, и знаково-символическим кодом. Цель статьи — рассмотреть отдельные ключевые лексические единицы комплекса «человек — род — народ» в рамках национальной концептосферы. На лингвокультурном уровне анализируется языковое и семантическое содержание концептов, рассматривается их внутренняя смысловая организация. В задачи исследования входит анализ понятийной и символично-аксиологической сторон концептов, то есть их языковая интерпретация, а также сопоставительные характеристики концептов по отношению к тому или иному ряду концептов. Для определения их содержания были использованы методы концептуального, интерпретационного и этимологического анализа. Целевой направленности нашего исследования в наибольшей степени отвечает комплексное использование методов лингвистического, семиотического и лингвокультурологического анализа. Отдельные признаки предлагаемых для исследования концептов, определенные путем когнитивной интерпретации лексических единиц, позволяют заключить, что номинативное поле концептов «человек — род — народ» в языковом сознании абхазского народа пронизано духовно-нравственной аксиологией. Рассмотрение концептов представляется актуальным для дальнейшего выявления особенностей менталитета абхазов, их специфического отношения к миру. Смысловые доминанты, закрепленные в паремиологическом фонде абхазского языка, свидетельствуют, что идентификация «Я» абхаза символически и аксиологически является ядром «МЫ», не стоящих в оппозиции, но взаимодополняющих друг друга.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концептосфера, концепты, языковая картина мира, этносы, этнолингвистика, абхазский язык, абхазы, этноязыковое сознание, человек, народы, лексические единицы, вербально-семантическая триада.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Абхазский государственный университет; 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1; email: lagrba@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Агрба, Л. А. Триада человек — род — народ в концептосфере абхазов / Л. А. Агрба. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 178-187. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_19.*

Lana A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia, lagrba@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4951-6214>

The Triad of Man — Family — People in the Conceptosphere of the Abkhazians

ABSTRACT. *The verbal-semantic triad of “man — family — people” analyzed on the level of ethnolinguistic consciousness is at the same time a socio-pragmatic construct reflecting the features of the national worldview and a semiotic-symbolic code. The aim of the article is to consider the key lexical units of the complex “man — family — people” within the framework of ethnic conceptosphere. The research focuses on the linguistic and semantic content of the concepts and explores their internal semantic organization. The research tasks include analysis of the symbolic and axiological aspects of the concepts, i.e. their linguistic interpretation, and the comparative characteristics of the concepts in relation to a particular set of concepts. The methods of conceptual, interpretative and etymological analysis were used in this research. The complex use of linguistic, semiotic and linguoculturological analyses duly suits the aim and tasks of the study. Certain features of the concepts chosen for investigation, determined via a cognitive interpretation of the lexical units, makes it possible to conclude that the nominative field of the concepts of “man-family-people” in the linguistic consciousness of the Abkhazian people is permeated with spiritual-moral axiology. Further consideration of the concepts seems urgent for better understanding of the mentality of the Abkhazians and their specific vision of the world. The semantic dominants fixed in the paremiological fund of the Abkhazian language indicate that the identification of the “I” of the Abhaz symbolically and axiologically is the core of the concept of “WE”, not standing in opposition, but mutually complementing each other.*

KEYWORDS: *conceptosphere, concepts, linguistic worldview, ethnoses, ethnolinguistics, Abkhazian language, Abkhazian people, ethnolinguistic consciousness, person, peoples, lexical units, verbal-semantic triad.*

AUTHOR'S INFORMATION: Agrba Lana A., Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and German, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia.

FOR CITATION: Agrba L. A. (2023). The Triad of *Man — Family — People* in the Conceptosphere of the Abkhazians. In *Political Linguistics*. No 2 (98), pp. 178-187. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_19.

ВВЕДЕНИЕ

Conceptus с латинского — «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», буквально «зачатие». За концептом стоит не предмет, вещь, но идея, описывающая «действительность особого рода — ментальную» [Степанов 2001: 60], которая «в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается» [Красавский 2001: 43]. Это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 40], влияя на «совокупность умственно-духовных установок индивида или социальной группы, обуславливающих его (ее) миро- и самовосприятие, мысли и чувства, ценности и поведение» [Хакуй 2009: 163]. Таким образом, концепт несет эмоциональное содержание и представляет собой «единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимую в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1996: 12].

В концептах находят отражение духовные ценности, определяемые этнокультурной спецификой, историей, традициями, стереотипами, символами и кодами — тем, что составляет этническую основу любой национальной ментальности. Ментальность народа — это «мыслительный инструмент», который унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем непременно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики» [Унжев 2003: 305]. Менталитет и мировосприятие формируются в языке, хранящем весь исторический и интеллектуальный опыт народа, «в нем отображена этика и психология народа, его душа» [Тимошук 2018: 35]. Они же обуславливают структуру и функцию разговорного языка [Галинская 1989: 208]. Менталитет — это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004: 13].

Основное качество концепта — «многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта — важность этого психического образования, как для индивидуума, так и для коллектива» [Карасик 2002: 10]. То есть концепты этноспецифичны. Эти семантические образования отмечены лингвокультурной спецификой и

тем или иным образом характеризуют ее носителей. Называя вещи, присваивая предметам и явлениям вокруг имени, человек делает их предметами своего мира, а кроме того, «посредством именованной вещь оказывается включенной в сферу теоретизирования. Она превращается в элемент умственной деятельности» [Алоян 1985: 75].

Концепт является посредником между словами и действительностью — это «оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996: 90]. Функция концепта — быть носителем и одновременно способом передачи смысла, «помогая обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [Аскольдов 1980].

Нам интересен анализ триады лингвокультурных концептов *человек — род — народ*, как важнейших единиц, помогающих раскрыть особенности языкового и внеязыкового мышления абхазов, ведь «концепт является условной ментальной единицей, направленной на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Карасик, Слышкин 2001: 76].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Каждый народ, каждая «национальная целостность», обладает собственным мировоззрением и ценностями, которые связаны с особенностями языкового и этнокультурного мышления. В толковом словаре В. Даля слово «нация» определяется как «язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком», а слово «народ» — как «люд, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык; племя; жители страны, говорящие одним языком». Недаром у древних римлян слово *natio*, равно как и *gens*, отождествлялось с термином *lingua* и противопоставлялось понятию *civitas* (государство). «Поскольку языковая информация о системе ценностей отражает ментальные особенности народа, своеобразие картины мира представителя той или иной национальной культуры невозможно постичь, не изучив сознание человека, зафиксированное с помощью языка» [Хавдок 2011].

Язык является самым надежным хранителем, инструментом, резервуаром исторической и культурной памяти, «и даже не

столько язык вообще, сколько именно слово — самим фактом своего появления и долгого существования во времени, закрепившим в сознании носителей языка присутствие того или иного явления действительности и его значение для человека» [Толстая 2019: 21], и если удастся раскрыть его историческое содержание, оно «представляет ценнейший документ, который по своей древности конкурирует с древнейшими памятниками материальной культуры» [Абаев 1949: 9]. Слово — это «сгусток эмоций, экспрессии, оценок, намерений, желаний» [Скляревская 1997: 166], в нем заложены аксиологические формулы рассудка и ценности бытия, на основе чего формируются особенности восприятия, осмысления, оценивания и переживания мира.

«К ключевым культурным концептам любой языковой картины мира относится концепт „человек“, без анализа которого не представляется возможным описать культуру этноса адекватно, так как место любой реальности в системе культурных ценностей — независимо от того, принадлежит ли эта реальность миру артефактов или природному миру, — может быть определено в первую очередь через ту роль, которую играет по отношению к этой реальности человек» [Замалетдинов, Сибгаева 2013: 34]. Концепт «человек» является ядром любой культуры, но для понимания этнокультуры абхазов значимой является связь триады человек — род — народ, ибо основным способом самопонимания для абхаза является прежде всего способность и склонность к идентификации себя с определенной группой, своим родом, понимание себя через соответствие нормам и ценностям своей этнической группы, акцентирующихся на внешних свойствах окружения, таких как статус, роли, взаимоотношения. Подобный способ самопонимания предполагает интерпретацию своих мотивов, намерений, поступков через сопоставление их с культурными и социальными нормами и правилами, т. е. ценностно-смысловую интерпретацию своей личности в контексте групповых ценностей.

Наиболее значимые культурные семы человек — род — народ помогают охарактеризовать культурное пространство этноса, а также интерпретировать речевое поведение его представителей. «„Свое“ и „мы“, в которое встроено, в которых живет и реализует себя индивидуальное „я“, всегда существовали как структурно-целостные подразделения общества — род, племя, семья, клан, община, сословная группа, поколение, землячество и т. д. вместе с присущими каждому из них укладом, стилем, материально-пространственной средой» [Кнабе 2004: 28].

«Процесс реализации социальной жизни индивида всегда сопряжен с поиском своей референтной группы, когда его индивидуальное „я“ встраивается в социальное „мы“» [Привалова 2015]. Примечательно, что «схема Я», «самотолкование», «Я-конструкт», «самоинтерпретация» — термины, активно используемые в западной науке в последние десятилетия, — определяются как «конstellация мыслей, чувств и действий, проявляемых во взаимоотношении с другими» [Singelis 1994: 581]. Мысль эта корреспондирует с нашей трактовкой и позволяет рассмотреть выбранный нами для исследования триптих концептов сквозь призму их знаково-символического и социопрагматического содержания.

Слово «человек» (абх. *ауаюы*) трактуется как «подобный родичу» или «второй такой» (*ауа* — сородич, родной, родственник; *юы* — такой, подобный). Суффикс *-уа* также означает национальную принадлежность и позволяет трактовать *алсуа* (самоназвание абхазов) как «принадлежащий миру», «часть природы», «часть мира», а также как «люди апсы»^[1]. Элемент *-ю* указывает на парность, восходит к корню числительного *юба* — «два». Р. К. Гублия связывает данный элемент со значением «бежать», «течь», «стелиться». *Алюа* — дым, *арюаш* — горный поток, *аюра* — бежать, *аюра* — писать, строчить, *аюы* — вино [Гублия 2004: 78]. Исходя из этого можно интерпретировать значение слова *ауаюы* как «движущийся рядом», то есть концепт «человек» связан у абхазов с пространственными представлениями, а в метафорическом плане «это движение души, религиозные искания, пространственные перемещения и социокультурная связь между прошлым и будущим» [Ковлакас 2011: 79].

Некоторые специалисты определяют в элементе *-ю* значение «внутри». *Атыюра* — берлога, нора; *аюны* — дом, досл. «пространство внутри»; *абаю* — кость. «В фольклоре абхазов встречаются сообщения о домах типа *аю* „каменное строение, подобие пещер“. Общеабхазо-адыгская лексема *юны/унэ* в значении „дом“, „строение“ выступает как единица социальной структуры, предполагающая совместное проживание людей, связанных определенными родственными узами» [Дзидзария 2009: 161, 167]. Ш. Д. Инал-ипа обращает внимание, что абхазы называли дольмены «аю», однокоренным со словом *аюны* — дом и выражающим такое понятие, как «пещера» [Инал-ипа 2011: 118].

Интересно, что во множественном числе слово «человек» утрачивает элемент *-ю*, остается *ауаа* — «люди», досл. «много родственников». *-Ва* встречается в родствен-

ных языках, например, в хаттском, считающимся праязыком абхазо-адыгов^[2]. Свой народ хатты называли «хатуун» — досл. «люди хатты», где *у*, усеченное *-уун* — «человек». Часто встречаются хаттские имена с префиксом *wa-* (*Wa-dapra*, *Wa-lapra*, *Wasatapra*) [Касьян 2010]. Древний фольклор адыгов сохранил легенду о походе Уар-Хату в Малую Азию, который окончился в 3750 г. до н. э. на Евфрате [Казанов 2002: 24]. В адыгском суффикс *-ua* является показателем множественного числа, который обладает собирательным значением, однако корень *-ua-* означает «бог-глава» (ср. хат. *Washab* «боги» и адыгское *wa wasəxoə* в значении «бог», «небо»). Личный показатель 2 лица ед. ч. *w* хаттского глагола восходит к местоимению *we* — «ты», соответствует личному показателю 2 лица кабард. *W*, абх. абаз. *W* (*У*), убых. *W* [Чкадуа 2005]. Таким образом, если проводить параллели с адыгской этимологией, то слово *ауаюу* можно трактовать как «второй бог» или «богоподобный».

Интересно, что само слово «человек» мыслится, истолковывается абхазом только в контексте его соотнесенности с «другим», «вторым богом», «родственником». Однако основу содержания концепта составляют определенные качества, составляющие систему моральных приоритетов и ценностей, духовно-нравственные и этические искания народа-номинатора, воплощенные в концепте «человек».

Оценочные прилагательные со словом «человек», очерчивающие престижный спектр поведения, отражены в частотных когнитивных признаках лексико-семантического поля «человек», репрезентирующих нравственные качества личности — *ауаю куш*, *ауаю нага* — «умный, мудрый» (досл. «носимый, водимый» в смысле «специально приглашаемый»). Такой почтенный, уважаемый человек — это этнокультурный идеал, который соответствует характеру народа и определяется его общественной жизнью. Для абхазов, как и для многих других народов Кавказа, моделью совершенного человека является тот, в ком сочетается жертвенная преданность своему народу, трудолюбие и желание служить людям, а также умение любить и создавать прекрасное. Так, герои эпоса нарты воплощают в себе эталон смелости, благородства, честности, поэтому «повсюду наивысшей похвалой было сравнение с нартами» [Дюмезиль 1990]. Желание соответствовать этнокультурному идеалу ведет к общечеловеческому измерению собственной личности, самопонимание этнокультурной идентичности открывает ценностный горизонт, в котором человек может об-

рести бытийную цельность и полноту собственного существования уже в общечеловеческом измерении [Берберян, Тучина 2014].

В абхазском языке понятие «достойный, настоящий человек» связано с представлениями о наличии таких нравственных качеств, как человечность, порядочность, благородство (выступают его важнейшими характеристиками и определениями). Ядерный слой исследуемого концепта релевантно соотносится со сферой, в которой доминируют концепты «доброта», «милосердие», «терпение», «кротость», «всепрощение», а ближайшая родственная лексема (абх. *ауаюра*) — «человечность», «человеколюбие». Эта важнейшая для миропонимания абхаза категория, передающая концептуальное значение добра и милосердия, подчинена стержневой аксиологической координате взаимоважания и взаимопомощи. «Человечность рассматривали как ценность терминальную, наиболее ценимую в народе наряду со скромностью, верностью своему слову и другими качествами, которые в целом обозначались как человечность» [Бгажноков 1999: 48]. Недаром в народе говорят: *Ауаюра — шэага-зага амазам* — «Человечность ничем не измерить». *Жэлас икоу — ауаюроуп* — «Человечность определяет принадлежность к роду (фамилии)». *Ауаюра — зегьы ирхьуп, ирцыхуоуп* — «Человечность — конец и начало всему» [Абх. пословицы 1983].

Ауаюра сопрягается с этническим определением *апсуара* (абхазство)^[3]. Быть человеком — вот главная ценность, которая способствовала созданию обществ, основанных на нравственной чистоте, с традиционной горской моралью, обусловленных подлинной свободой самообладания каждым членом общества, то есть реальным владением своими душевной, духовной и телесной энергиями [Ашхаруа 1993], и, таким образом, человек помещался в центр системы *апсуара*... «В системе апсуара Человек занимает ключевое место. Абхазское понимание Человека-Личности выводит личность за рамки национальной принадлежности. Личность у абхазов понимается как выразитель общечеловеческой эволюции» [Читашева 1994: 331]. Абхазы говорят *ауаюу — дуаюп* (человек есть человек), отражая «высочайшую статусную позицию, которую в понимании традиционного абхаза занимает человеческая личность» [Куправа 2008: 188–189], тем самым подчеркивая его наднациональную сущность, его самоценность, а потому он достоин уважительного отношения, как отношения к самому себе или к Богу.

Ближе всего к категории *ауаюра* стоит *аламыс* (совесть, порядочность, честность).

Аламыс как бы результат сложения действия принципа гуманности, нравственно мотивационных принципов и предписаний, обычаев и норм, проявляющихся в поведенческой культуре. Если в *алсуара* выражены больше нормативные требования, то область *ауаюра* охватывает мотивационно-нравственные импульсы индивидуума. Она мыслится как передаваемая из поколения в поколение заповедь, выступающая как общее требование нравственного поведения. Максима *ауаюра* стоит даже выше *алсуара*, так как это категория общеуниверсальная, а не этническая. Важно отметить также, что формирование личности с ориентацией на ценности аламыса происходит путем самовоспитания индивида, ответственно относящегося к характеру своих поступков и побудительных мотивов [Чеснов 1984]. Абхазский *аламыс*, включающий такие понятия, как честь, достоинство, репутация, совесть, «служит выражением положительных, наиболее почитаемых в народе черт личности, и прежде всего умения вести себя в обществе, т. е. скромности, вежливости, гостеприимства, уважения старших... По своей значимости — это почти всегда своего рода абсолютная, ни с чем не сравнимая ценность» [Бгажноков 1983: 195]. Причем *аламыс* — это не только внутренний побудительный мотив, но и принятый обществом свод этикетных правил, общая негласная договоренность о должном и недолжном, грешном, включающий в том числе представление об обществе и о внешнем мире. Действия, противоречащие этим концептам, — тяжелейшее событие, поэтому абхазы говорят: лучше умереть молодым, чем жить без *аламыса*. «...Нарушение традиционной этики в поведении осуждается очень серьезно» [Старовойтова 1987: 95]. По представлениям абхазов, «смертью человека является не столько прекращение его физического существования, сколько не совместимый с аламысом, то есть с совестью поступок, когда человек умирает живым („*дышбзаз дыпсит*“»).

«Ты что, не человек?» — худшее, самое унижительное из обращений. В этом же ряду слова «бесчеловечный», «бессовестный», «бездуховный» — эти оценочные прилагательные очерчивают нижний, аморальный, недостойный абхаза спектр поведения.

Основу аламысного, т. е. совестливого и деликатного поведения составляет воспитание выдержки и терпения, поэтому этим занимались сызмальства. Отличительной особенностью воспитания было также ритуализованное отношение к храбрости, стойкости и порядочности с презрением к смерти и стоическое перенесение страданий, а также

радостное восприятие жизни во всех ее физических и духовных проявлениях.

Сдержанность, смиренность тесно связаны с представлениями о «доле». Вселенское «сцепление» причин понимается абхазами как *анасып* — «судьба», а его необходимость как *алахынца* — «рок, промысел», целесообразно упорядочивающий мироздание. Философия абхазов подразумевала, что человек должен быть всегда выше любых житейских проблем, ведь Бог накладывает на него столько испытаний, сколько он сможет выдержать, поэтому смирение ценилось выше всего.

Ментальность абхаза тысячелетиями выстраивалась таким образом, что жизнь и здоровье не щадятся, ими не принято дорожить. Здесь нет моего владения, моей воли, есть воля господина, и все в руках его. Уклад жизни однозначно определяет главную черту национального характера — героическую доминанту. Традиционная культура ориентирована на демонстрацию подвигов, удалством бравируют, на риск идут сознательно, особенно в молодом возрасте в доказательство своей зрелости и с целью обретения социального признания. Народные сказки, легенды, песни почти исключительно героические, подчеркивающие непоколебимый дух, стойкость и мужество героев. «Мужчина» и «герой» в абхазском языке синонимичны: «каждый, называющий себя мужчиной», должен быть готов в любой момент встать на защиту семьи, рода, народа, Родины [Чанба 2019].

Честность, храбрость, нестяжательство и благородство — вот доминантные черты героя в представлении абхазов, который должен пройти долгий путь, полный испытаний, однако преодолеть все тяготы и невзгоды с достоинством. Единственная непоколебимая ценность — оставить о себе доброе имя (абх. *ахьдз апша* — досл. «имя ветер», в том смысле, что имя разлетается, распространяется по свету). Абхазы говорят: *Хьзы игарцаоуп ахаца дзуа* — «Мужчина рождается, чтобы завоевать (взять) себе доброе имя». В этом есть обретение истинного счастья, которое обязательно достигается в борьбе, никогда в одночасье не сваливается на героя, не приходит из ниоткуда, без усилий как физических, так и моральных. Именно в борьбе, преодолении и терпении, а не стяжании богатств состоит философский смысл обретения счастья для абхаза. «Они признают одну только славу победы над врагом, а стыдом — бегство от врага» [Мариньи 2006: 26]. Даже сама по себе смерть только средство проявить стойкость. В «Песне героев» есть слова: «В один день

кто родится, в один и умрет», т. е. человек относится к своей судьбе, которую он воспринимает героически, как к чему-то такому, от чего нельзя уклониться.

Очень ярко отражены представления абхазов о доблести, чести, долге и взаимопомощи в Нартском эпосе, где «процветает культ героизма отдельной личности. Никакие другие качества человека не сравнимы с героизмом. Как правило, о внешнем виде мужчин в эпосе не повествуется. Постоянно подчеркивается физическая сила, ум, находчивость, бесстрашие, смекалка» [Зухба 2012]. Отметим, что для героев эпоса защита Родины, любовь к ней являются главнейшими атрибутами образа, исповедующего принцип: только тот достоин счастья, кто добудет счастья людям.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что самопонимание этнокультурной идентичности абхаза определяется спецификой общности бытия без базовой для этнокультуры западного дискурса поляризации «Я» (мы, свои) / «Другой». У абхаза «Я» (абх. *sara*) аккумулирует этнокультурные ценности и положительно связан с ценностями социума. Уровень выраженности металичности типа самоинтерпретации связан с установлением всеобщей гармонии и выходом за пределы собственного «Я». Сначала размечается пространство бытования, и только когда вокруг и в обществе установлен порядок, «Я» обретает свое место в системе взаимоотношений, приращается к миру. Это генетически детерминированная онтологическая программа абхаза. При произнесении тостов «блага испрашиваются не только для одного лица, к которому обращена заздравная речь, но и для всей его фамилии и всего народа („Уыжэла ныщъа, ухы ныщъа! Ажэллар ныщъаны, урыпаныщъаны!“ — „Благослови [Господь] фамилию твою, тебя самого! Благословен пусть будет народ твой и ты посреди него!“). Это благопожелание связано с тем, что, безусловно, человек может быть счастливым лишь в том случае, если в здравии род его и весь народ...» [Хаджимба 2013].

Согласно представлениям абхазов, история отдельно взятого народа есть история всех составляющих его фамильных групп, что находит отражение и в языке, где «ажэла» означает «фамилию» (абаз. *жэла* — семена, семя; адыг. *жылэ* — род, общество), а «ажэллар» — «народ». Род соотносится с жизненным началом (абх. *ажэла* — 1. букв. семя, зерно, сперма; 2. порода, сословие, род, фамилия); количественно-качественными показателями (абх. *А-жэла (úжэпоу)* — *прил.* толстый, плотный, густой); временными показателями (*ажэ, úажэз, ажэтэ* — ста-

рый, древний; *жэахá* — недавно, намедни); с представлениями о совместных, коллективных действиях (*Ажэлара, ажэЫлара* — наброситься, напасть, штурмовать, идти в наступление); с лексико-семантическим содержанием (*ажэа* — слово, речь; *ажэабжь* — молва, слух, новость, известие, рассказ). Лингвист Р. К. Гублия выделяет в морфеме -жэа значения «множество, скопище, плотность, большая концентрация ч.-л.» и трактует слово *ажэллар* как букв. «скопившиеся, собравшиеся» [Гублия 2004: 20].

Концепт «народ» в языковом сознании абхазов — это союз родов, соплеменников, объединенный в единое целое, являющий собой сгусток энергии, способный творить и создавать ценности, стремящийся выразить себя для сохранения преемственности, коллективный носитель Истины. «Как общественная единица, ажэла характеризовалась предполагаемым или реальным единством происхождения, экзогамностью, известной общностью территории, некоторых хозяйственных интересов и религиозной жизни, иногда наличием общешафамильной тамги для клеймения своих животовных, законом родовой мести, гостеприимства и взаимопомощи. Все члены ажэла считались братьями» [Инал-ипа, Абхазы: 267]. Само слово «родство» (абх. *ажьра-цэара* — досл. «мясо и кожа») показывает близость и нераздельное единство родовых связей в этносознании абхаза. Родство воспринималось как общая плоть. Нарушение законов родства жестоко каралось, вплоть до изгнания из рода и даже с родины. В народе говорят: *Ажьра-цэра еулазго — ибла тнахуеит* — «кто нарушает законы родства — тому глаз вон».

Именно родство являлось основным центрирующим принципом этносоциальной общности, основанной на привычке к совместным, артельным действиям, которые сближали людей, приучая их чувствовать себя членом общества, частью целого. Каждая более или менее многочисленная фамилия подразделялась на отрасли рода-патронимии (абх. *абилара*) или семьи (абх. *атаацэа*), отвечавшие общей ответственностью перед другими частями фамилии за поведение каждого сородича с такими же обязанностями хозяйственной деятельности, взаимной защиты [Инал-ипа 1965: 405]. Большая семья, численность которой достигала 40–60, а иногда 100 и более человек, объединяла до пяти и более поколений ближайших родственников, преимущественно по прямой нисходящей линии (родители, их женатые сыновья, внуки, правнуки и их семьи жили хоть и в собственных саклях, но вместе, рядом, большими дворами). Семья

была «экономически и идеологически соотнесена с общиной, а семейный быт оставался не только началом, но и естественным продолжением общественного быта» [Бгажников 2010: 74]. «Семейный» принцип распространяется на многие сферы жизнеустройства, и даже божества распадаются на существа мужского и женского пола и сами образуют семьи [Акаба 1984; 1979].

Абхазец чувствовал свою принадлежность к миру именно через ощущение себя полноправным членом социума. Его потребность жить с людьми, быть постоянно в гуще событий семьи, села, коллектива воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Именно жизнь общины гармонизировала существование личности в социуме. «В отличие от европейской традиции, в которой исходным базисным понятием является личность как индивид, обладающий неотъемлемыми правами, свойствами, у абхазов за основу принимается симфоническая личность как живое органическое единство или такое единство множества, когда и единство, и множество отдельно друг от друга не существуют. ... Но существует соотносительно симфоническому целому — семье, сословию, народу» [Бганба 2018: 12]. Об этом говорят и пословицы: *Ажэллар рыбз хушэуп* — «язык народа — лечит, врачует». *Зегьы зымчу хэа акрыказар — ажэллар роуп*. *Ажэллар ражэа — итамбазоу зыхэуп* — «Слово народа — неиссякаемый источник». *Насып имоуп — жэллар лыпха зыртаз* — «Счастлив тот, кому народ подарил тепло своих очей». Так, в пословицах и поговорках, абхазы пытались выразить идею исключительной значимости «Мы», социума, для выживания и формирования человека. Истоки личности коренятся, согласно коллективистской рефлексии абхазов, не в ней самой, а в бесконечном едином начале — роде, народе, в общих ценностях и достижениях.

Слово *ажэллар* — народ с постфиксом *-ар*, образующим форму множественного числа, имеет значение чего-то большого, великого. Волю народа человек должен принимать смиренно, ибо народ в представлении абхаза могуч, он всесилен: *Ажэллар гуаны икупсычхар — рыпсып афыртын иузызахит* — «Если народ обидится и вздохнет, дыхание его превратится в ураган». *Ажэллар луанытэ икупсычхар, амшын танарбоит* — «Если народ возмутится, то и море пересохнет». *Ажэллар рышэи ацла аруоит* — «От проклятия народа — дерево засохнет». *Ажэллар рымч абахугьы арбгоит* — «Сила народа скалу сокрушит».

Здесь всегда существовали структурно-целостные подразделения общества — род,

племя, семья, клан, община, сословная группа, землячество и т. д. вместе с присутствующими каждому из них укладом, ритуалами, материально-пространственной средой. Мир в сознании наших предков — «это род, сумма родов или одно общество, в котором интегрированы все роды и один общий род» [Шенкао 2002: 107]. Именно встроенность, впаянность личности в единый организм рода гарантировало ей безопасность и престиж, а включенность в общественную деятельность детерминировало его самореализацию. В этом резонирующем взаимодействии, взаимовлиянии и обретал человек человеческое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Проведенный анализ свидетельствует о семантической близости предложенных для исследования концептов. Когнитивная интерпретация лексических единиц и их сочетаний позволяет заключить, что номинативное поле концептов *человек — род — народ* в языковом сознании абхазского народа пронизано духовно-нравственной аксиологией. Концепт «человек», отражающий представление абхазского народа о норме и должном, вписан в контекст «род — народ». Смысловые доминанты, закрепленные в паремиологическом фонде абхазского языка, свидетельствуют, что идентификация «Я» абхаза символически и аксиологически является ядром «Мы», не стоящих в оппозиции, но взаимодополняющих друг друга. Взаимозависимая самоинтерпретация как способ самопонимания основана на представлениях субъекта о себе как члене определенной общности — семьи, рода, этнической группы, родо-племенной общности, народа, нации (*ажэллар, амилат, ашьтра*), задающих характеристику человека на антропоцентрическом уровне (что есть «Я»?), на историко-эволюционном уровне («Я — потомок древней цивилизации»), на этнологическом уровне («Я — абхаз, представитель абхазского народа»), на лингвокультурологическом уровне («Я — носитель апсуара и абхазского языка»), на мифологическом уровне («Я — продолжение рода нартов»), на аксиологическом уровне («Я — источник передачи этнокультурных ценностей своего рода»), на природно-ландшафтном уровне («Я — моя страна, вегетативный, анималистический, ландшафтный, климатический уровни»). Таким человек предстает в материально-предметном, духовно-нравственном, ценностно-онтологическом, абстрактно-космогоническом ракурсе, в невербальной, символично-знаковой экспликации. *Человек — род — народ* — важнейшие компонен-

ты концептосферы абхазов, выявляющие отношение человека к самому себе, к общности, к другим людям, к пространству и явлениям вокруг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Считается, что в глубокой древности предки абхазов именовались *апсами*.

[2] Наукой достаточно убедительно и аргументированно доказано родство хаттского с северокавказскими языками, в частности абхазо-адыгским. Учеными обнаружены параллели даже в географической номенклатуре: чего стоят древние этнонимы Апсарей, Акампис, Арипса, позволяющие предположить места первоначального расселения праабхазов и адыгов в северо-восточной части Малой Азии, что, кстати, находит отражение и в археологических, антропологических, этнографических и фольклорных материалах, на что указывают Вяч. Вс. Иванов, Л. Н. Соловьев, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашия, Ш. Д. Инал-ипа, Х. С. Бгажба, З. В. Аначабадзе и др.

[3] Кодекс нравственности абхазов *ансуара* и совершенно идентичный ему кодекс нравственности адыгов *адыгагэ*, представляющие собой единство людей на основе их общей любви и приверженности к одним и тем же абсолютным нравственным ценностям, выработал в иерархии ценностей приоритет прежде всего совершенствования человека как самоопределяющегося по свободной воле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев, В. И. Осетинский язык и фольклор / В. И. Абаев. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. — 608 с. — Текст : непосредственный.
- Абхазские пословицы / сост. Х. С. Бгажба. — Сухуми : Алашара, 1983. — 85 с. — (На абх. яз.). — Текст : непосредственный.
- Алоян, Р. Г. Значение в языке. Философский анализ / Р. Г. Алоян. — Москва : Наука, 1985. — 423 с. — Текст : непосредственный.
- Акаба, Л. Х. Из мифологии абхазов / Л. Х. Акаба. — Сухуми : [б. и.], 1984. — 104 с. — Текст : непосредственный.
- Акаба, Л. Х. У истоков религии абхазов / Л. Х. Акаба. — Сухуми : [б. и.], 1979. — 124 с. — Текст : непосредственный.
- Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов. — Текст : непосредственный // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. — Москва : [б. и.], 1980. — С. 267–279.
- Ашхаруа, А. Г. Абхазия: настоящее невозможно понять без осмысления прошлого / А. Г. Ашхаруа. — Текст : непосредственный // Советская Адыгея. — 1993. — № 138.
- Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. — 104 с. — Текст : непосредственный.
- Бгажноков, Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : [б. и.], 1999. — 96 с. — Текст : непосредственный.
- Бгажноков, Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : Эльбрус, 1983. — 232 с. — Текст : непосредственный.
- Бгажноков, Б. Х. Социальная организация семьи / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : Издат. отд. КБИГИ, 2010. — 128 с. — Текст : непосредственный.
- Бганба, В. Р. Основания абхазской философии / В. Р. Бганба. — Москва : Межд. Акад. исследований, 2018. — 139 с. — Текст : непосредственный.

13. Берберян, А. С. Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях / А. С. Берберян, О. Р. Тучина. — Текст : непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. — 2014. — С. 84–100.

14. Галинская, И. Л. Постструктурализм в современной философско-эстетической мысли / И. Л. Галинская. — Текст : непосредственный // Зарубежное литературоведение 1970-х годов: направления, тенденции, проблемы. — Москва : Наука, 1989. — С. 168–189.

15. Гублия, Р. К. Абхазо-адыгские этимологии / Р. К. Гублия. — Сухум : [б. и.], 2004. — 135 с. — Текст : непосредственный.

16. Гублия, Р. К. К этимологии элемента «ПС» в абхазо-адыгских языках / Р. К. Гублия. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. — Карачаевск : [б. и.], 1997. — С. 20–36.

17. Дзидзария, О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков / О. П. Дзидзария. — Сухум : [б. и.], 2009. — 332 с. — Текст : непосредственный.

18. Дюмезиль, Ж. Скифы и нарты / Ж. Дюмезиль. — Москва : [б. и.], 1990. — 231 с. — Текст : непосредственный.

19. Замалетдинов, Р. Р. Национально-культурные концепты : учеб.-метод. пособие / Р. Р. Замалетдинов, Ф. Р. Сибгаева. — Казань : КФУ, 2013. — 56 с. — Текст : непосредственный.

20. Зухба, С. Л. Идеал женской красоты в нартовском эпосе абхазо-адыгских народов / С. Л. Зухба. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2012. — С. 102–105.

21. Инал-ипа, Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов / Ш. Д. Инал-ипа. — Изд. 2-е. — Сухум : Дом печати, 2011. — 688 с. — Текст : непосредственный.

22. Инал-ипа, Ш. Д. Абхазы / Ш. Д. Инал-ипа. — Сухуми : Абгосиздат, 1960. — 448 с. — Текст : непосредственный.

23. Казанов, Х. М. Адыгэ или адыгэ? / Х. М. Казанов. — Текст : непосредственный // Мир культуры адыгов : сб. науч. тр. / под ред. Р. А. Ханаху. — Майкоп : Адыгея, 2002. — 516 с.

24. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

25. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. — Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : [б. и.], 2001. — С. 75–80.

26. Касьян, А. С. Лексические контакты хаттского языка / А. С. Касьян. — Текст : непосредственный // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2010. — С. 445–475.

27. Кнабе, Г. С. Местоимения постмодерна / Г. С. Кнабе. — Текст : непосредственный // Чтения по истории и теории культуры. Вып. 40. — Москва : РГГУ, 2004. — 48 с.

28. Ковлакас, Е. Ф. Репрезентация топонимических концептов: лексико-семантический аспект топонимической картины мира. — Е. Ф. Ковлакас. — Текст : непосредственный // Вестник Военного университета. — 2011. — № 4 (27). — С. 78–81.

29. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2004. — 240 с. — Текст : непосредственный.

30. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. — Волгоград : Перемена, 2001. — 494 с. — Текст : непосредственный.

31. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва : [б. и.], 1996. — 245 с. — Текст : непосредственный.

32. Куправа, А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов / А. Э. Куправа. — Сухум : Дом печати, 2008. — 624 с. — Текст : непосредственный.

33. Мариньи, Т. де Поездки в Черкесию / Т. де Мариньи ; пер. с фр. К. А. Мальбахова. — Нальчик : [б. и.], 2006. — 53 с. — Текст : непосредственный.

34. Привалова, В. М. Самоидентификация в культуре. Эмпирическое исследование / В. М. Привалова. — Текст : непо-

средственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2015. — С. 747–751.

35. Скляревская, Г. Н. Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на материале русского языка) / Г. Н. Скляревская. — Текст : непосредственный // Оценка в современном русском языке : сб. научных статей. — Helsinki : Hirn, 1997. — С. 166–184. — (Studi斯拉вica Finlandensia, t. XIV).

36. Старовойтова, Г. В. Этнопсихологические факторы долгожителства у абхазов / Г. В. Старовойтова. — Текст : непосредственный // Среди долгожителей Абхазии : сб. ст. — Тбилиси : Мецниереба, 1987. — 132 с.

37. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Академический проект, 2001. — 990 с. — Текст : непосредственный.

38. Тевелевич, А. М. Учебный словарь лингводидактических терминов / А. М. Тевелевич. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. — 79 с. — Текст : непосредственный.

39. Тимошук, А. С. Традиционная культура: сущность и существование : моногр. / А. С. Тимошук. — Владимир : [б. и.], 2018. — 435 с. — Текст : непосредственный.

40. Толстая, С. М. Этимологическая память слова / С. М. Толстая. — Текст : непосредственный // Etnolingwistyka 31. Problemy Języka i Kultury. — Lublin : [s. n.], 2019. — Vol. 31. — С. 21–26.

41. Унежев, К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев / К. Х. Унежев. — Нальчик : [б. и.], 2003. — 512 с. — Текст : непосредственный.

42. Хавдок, А. Н. Система ценностей как отражение механизма ментальной организации в языке адыгов / А. Н. Хавдок. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2011. — С. 183–187.

43. Хакуй, М. А. Ментальность в художественном тексте: прагматический аспект / М. А. Хакуй. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. — Майкоп, 2009. — Вып. 1. — С. 163–166.

44. Хаджимба, С. О. Благопожелания и проклятия в застольных тостах абхазов / С. О. Хаджимба. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии : материалы 7-й Междунар. науч. конф. — Майкоп : [б. и.], 2013. — С. 335–338.

45. Чанба, Н. В. Культурные коды народов Кавказа в Нартском эпосе : доклад на XII Всемирном научном конгрессе (Париж, 19.12.2019) / Н. В. Чанба. — URL: http://apsnyteka.org/1446-tchanba_n_stati.html. — Текст : электронный.

46. Чеснов, Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении / Я. В. Чеснов. — Текст : непосредственный // Полевые исследования института этнографии 1980–1981. — Москва : Наука, 1984. — С. 107–116.

47. Читашева, Р. Г. Апусура как основа национального воспитания / Р. Г. Читашева. — Текст : непосредственный // Национальные традиции народов Адыгеи: генезис, сущность и проблемы воспитания : Материалы науч.-практ. конф. (1993). — Майкоп : [б. и.], 1994. — 545 с.

48. Чкадуа, Л. П. Глагольное словообразование в абхазском языке / Л. П. Чкадуа. — Сухум : [б. и.], 2005. — Текст : непосредственный.

49. Singelis, T. M. The measurement of independent and interdependent self-construals / T. M. Singelis. — Text : unmediated // Personality and Social Psychological Bulletin. — 1994. — N. 20. — P. 580–591.

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1949). *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetian language and folklore]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 608 p. (In Russ.)
2. Bgazhba, H. S. (Comp.) (1983). *Abkhazian proverbs*. Sukhumi, Alashara, 85 p. (In abh.)
3. Aloyan, R. G. (1985). *Znachenie v yazyke. Filosofskiy analiz* [Meaning in language. Philosophical analysis]. Moscow: Nauka, 423 p. (In Russ.)
4. Akaba, L. H. (1984). *Iz mifologii abkhazov* [From the mythology of the Abkhazians]. Sukhumi, 104 p. (In Russ.)
5. Akaba, L. H. (1979). *U istokov religii abkhazov* [At the origins of the religion of the Abkhazians]. Sukhumi, 124 p. (In Russ.)

6. Askoldov, S. A. (1980). *Kontsept i slovo* [Concept and word]. In *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text* (Anthology, pp. 267–279). Moscow. (In Russ.)

7. Ashkharua, A. G. (1993). *Abkhaziya: nastoyashchee nevozmozhno ponyat' bez osmysleniya proshlogo* [Abkhazia: the present cannot be understood without understanding the past]. *Soviet Adygea*, 138. (In Russ.)

8. Babushkin, A. P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in lexicophraseological semantics of language]. Voronezh: VSU Publishing House, 104 p. (In Russ.)

9. Bgazhnokov, B. H. (1999). *Adygskaya etika* [Adyge ethics]. Nalchik, 96 p. (In Russ.)

10. Bgazhnokov, B. H. (1983). *Ocherki etnografii obshcheniya adygov* [Essays on the ethnography of the communication of the Adygs]. Nalchik: Elbrus, 232 p. (In Russ.)

11. Bgazhnokov, B. H. (2010). *Sotsial'naya organizatsiya sem'i* [Social organization of the family]. Nalchik: Publishing department of KBIGI, 128 p. (In Russ.)

12. Bganba, V. R. (2018). *Osnovaniya abkhazskoy filosofii* [The foundations of the Abkhazian philosophy]. Moscow: Interd. Acad. Research, 139 p. (In Russ.)

13. Berberyan, A. S., & Tuchina, O. R. (2014). *Issledovanie osobennostey samointerpretatsii lichnosti v raznykh etnicheskikh obshchnostyakh* [Investigation of the peculiarities of self-interpretation of personality in different ethnic communities]. *South Russian Journal of Social Sciences*, 84–100.

14. Galinskaya, I. L. (1989). *Poststrukturalizm v sovremennoy filosofsko-esteticheskoy mysli* [Poststructuralism in modern philosophical and aesthetic thought]. In *Foreign literary studies of the 1970s: directions, trends, problems* (pp. 168–189). Moscow: Nauka. (In Russ.)

15. Gublia, R. K. (2004). *Abkhazo-adygskie etimologii* [Abkhazo-Adyge etymologies]. Sukhum, 135 p. (In Russ.)

16. Gubliya, R. K. (1997). *K etimologii elementa «PS» v abkhazo-adygskikh yazykakh* [On the etymology of the element “PS” in the Abkhaz-Adyge languages]. In *Topical issues of Abkhaz-Adyge philology* (pp. 20–36). Karachaevsk.

17. Dzidzaria, O. P. (2009). *Istoriko-etimologicheskii analiz otraslevoy leksiki abkhazo-adygskikh yazykov* [Historical and etymological analysis of the branch vocabulary of the Abkhaz-Adyge languages]. Sukhum, 332 p. (In Russ.)

18. Dumezil, J. (1990). *Skify i narty* [Scythians and sleds]. Moscow, 231 p. (In Russ.)

19. Zamaletdinov, R. R., & Sibgaeva, F. R. (2013). *Natsional'no-kul'turnye kontsepty* [National-cultural concepts] [An educational and methodical manual]. Kazan: KFU, 56 p. (In Russ.)

20. Zukhba, S. L. (2012). *Ideal zhenskoy krasoty v nartskom epose abkhazo-adygskikh narodov* [The ideal of female beauty in the Nart epic of the Abkhazian-Adyge peoples]. *Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and Art History*, 102–105. (In Russ.)

21. Inal-ipa, Sh. D. (2011). *Voprosy etnokul'turnoy istorii abkhazov* [Questions of the ethnocultural history of the Abkhazians] (Ed. 2). Sukhum: Press House, 688 p. (In Russ.)

22. Inal-ipa, Sh. D. (1960). *Abkhazy* [Abkhazians]. Sukhumi: Abgosizdat, 448 p. (In Russ.)

23. Kazanov, H. M. (2002). *Adyge or adyhe?* In R. A. Khanakhu (Ed.), *The world of culture of the Adygs* (Collection of scientific works). Maykop: Adygea, 516 p. (In Russ.)

24. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russ.)

25. Karasik, V. I., & Slyshkin, G. G. (2001). *Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya* [Linguocultural concept as a unit of research]. In I. A. Sternin (Ed.), *Methodological problems of cognitive linguistics* (Collection of scientific papers, pp. 75–80). Voronezh. (In Russ.)

26. Kasyan, A. S. (2010). *Leksicheskie kontakty khattskogo yazyka* [Lexical contacts of the Khatt language]. In *Indo-European linguistics and Classical philology* (pp. 445–475). (In Russ.)

27. Knabe, G. S. (2004). *Mestoimeniya postmoderna* [Pronouns of postmodernity]. *Readings on the history and theory of culture*, 40. Moscow: RSUH, 48 p. (In Russ.)

28. Kovlakas, E. F. (2011). *Reprezentatsiya toponimicheskikh kontseptov: leksiko-semanticheskii aspekt toponimicheskoy*

- kartiny mira [Representation of toponymic concepts: lexico-semantic aspect of the toponymic picture of the world]. *Bulletin of the Military University*, 4(27), 78–81. (In Russ.)
29. Kolesov, V. V. (2004). *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 240 p. (In Russ.)
30. Krasavsky, N. A. (2001). *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]. Volgograd: Peremena, 494 p. (In Russ.)
31. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., & Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, 245 p. (In Russ.)
32. Kuprava, A. E. (2008). *Voprosy traditsionnoy kul'tury abkhazov* [Questions of traditional culture of Abkhazians]. Sukhum: House of Printing, 624 p. (In Russ.)
33. Marigny, T. de (2006). *Poezdki v Cherkessiyu* [Trips to Circassia] (Translated from the French by K. A. Malbakhov). Nalchik, 53 p. (In Russ.)
34. Privalova, V. M. (2015). Samoidentifikatsiya v kul'ture. Empiricheskoe issledovanie [Self-identification in culture. Empirical research]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 747–751. (In Russ.)
35. Sklyarevskaya, G. N. (1997). Kategoriya otsenki: osnovnye ponyatiya, terminy, funktsii (na materiale russkogo yazyka) [Evaluation category: basic concepts, terms, functions (based on the material of the Russian language)]. *Evaluation in the modern Russian language* [Collection of scientific articles] (Studioslavica Finlandensia, vol. XIV, pp. 166–184). Helsinki: Hirn. (In Russ.)
36. Starovoitova, G. V. (1987). Etnopsikhologicheskie faktory dolgozhitel'stva u abkhazov [Ethnopsychological factors of longevity among Abkhazians]. *Among the centenarians of Abkhazia* (Collection of articles) Tbilisi: Metsniereba, 132 p. (In Russ.)
37. Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. (2nd ed., corrected and add.). Moscow: Academic Project, 990 p. (In Russ.)
38. Tevelevich, A. M. (2007). *Uchebnyy slovar' lingvodidakticheskikh terminov* [Educational dictionary of linguodidactic terms]. Omsk: Publishing House of Om-GU, 79 p. (In Russ.)
39. Tymoshchuk, A. S. (2018). *Traditsionnaya kul'tura: sushchnost' i sushchestvovanie* [Traditional culture: essence and existence] [Monograph]. Vladimir, 435 p. (In Russ.)
40. Tolstaya, S. M. (2019). Etimologicheskaya pamyat' slova [Etymological memory of the word]. In *Etymologicheskaya pamyat' slova*. *Problem Jazyka i Kultury* (Vol. 31, pp. 21–26). Lublin. (In Russ.)
41. Unezhev, K.H. (2003). *Kul'tura adygov (cherkesov) i balkartsev* [Culture of the Adygs (Circassians) and Balkars]. Nalchik, 512 p. (In Russ.)
42. Havdok, A. N. (2011). Sistema tselestey kak otrazhenie mekhanizma mental'noy organizatsii v yazyke adygov [The system of values as a reflection of the mechanism of mental organization in the language of the Adygs]. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History*, 183–187. (In Russ.)
43. Hakui, M. A. (2009). Mental'nost' v khudozhestvennom tekste: pragmaticheskiy aspekt [Mentality in a literary text: a pragmatic aspect]. *Bulletin of ASU, 1*, pp. 163–166. Maykop. (In Russ.)
44. Khajimba, S. O. (2013). Blagopozhelaniya i proklyatiya v zastol'nykh tostakh abkhazov [Well-wishes and curses in the table toasts of Abkhazians]. *Actual problems of general and Adyghe philology* (Materials of the seventh International Scientific Conference, pp. 335–338). Maykop. (In Russ.)
45. Chanba, N. V. (2019). [Kul'turnye kody narodov Kavkaza v Nartskom epose] *Cultural codes of the peoples of the Caucasus in the Nart epic* [Report at the XII World Scientific Congress, Paris 19.12.2019]. Retrieved from http://apsnyteka.org/1446-tchanba_n_stati.html (In Russ.)
46. Chesnov, Ya. V. (1984). Nravstvennye tselesti v traditsionnom abkhazskom povedenii [Moral values in traditional Abkhazian behavior]. In *Field studies of the Institute of Ethnography 1980-1981* (pp. 107–116). Moscow: Nauka. (In Russ.)
47. Chitasheva, R. G. (1994). Apsuara kak osnova natsional'nogo vospitaniya [Apsuara as the basis of national education]. In *National traditions of the peoples of Adygea: genesis, essence and problems of education* (Mat. of Scientific-practical. Conf., 1993). Maykop, 545 p. (In Russ.)
48. Chkadua, L. P. (2005). *Glagol'noe slovoobrazovanie v abkhazskom yazyke* [Verb word formation in the Abkhaz language]. Sukhum. (In Russ.)
49. Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and Social Psychological Bulletin*, 20, 580–591.